

СЛОЖНЫЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
В ЯЗЫКЕ БУРЯТСКОЙ ЛЕТОПИСИ В. ЮМСУНОВА

В бурятоведении и монголистике летопись Бандана Юмсунова "qori-yin arban nigen eciqe-yin jon-u uy ijayur-un tuyuji" (История происхождения народа II хоринских отцов, 1875 г.) является одним из достоверных письменных источников по истории, этнографии, культуре и быту бурят дореволюционной эпохи.

Лексические и морфологические особенности бурятских хроник, в том числе и летописи В. Юмсунова, нашли отражение в трудах бурятских ученых, в частности Д.-Н.Д. Доржиева, Ц.Б.Цыдендамбаева¹, но синтаксические особенности остались вне поля их зрения.

В данной статье делается попытка определить некоторые особенности синтаксической структуры данной летописи. Исследователи старомонгольского языка отмечали, что отличительной чертой синтаксиса этого языка являются длиннейшие конструкции, тянущиеся, по выражению одного монгольского автора, как хвост змеи или бараньи тонкие кишки². Такие длинные конструкции характерны и хронике В. Юмсунова. Например, летопись начинается такой конструкцией, которая совпадает с первым абзацем: "Angqan-dur mongyol-un ijayur-un olan-a Ergügdegsen qayan-aça uy-tai Enedkeg-un orun-u Saki-a-yin ijayur-un olan cereg-tü kemekü qayan-dur nigen köbegün törüküi-degen üliгер beige tegülder-nidüben दौरа-aça degeçide aniqu-çayan labai metü dung çayan sidütei=köke kömske-tei=qoyar yar-un aliyan-dur kürdün-ü jiruy-tai=yar köl-ün quryad anu yalayud-un metü=toor-iyar barilduγsan=teyimü nigen köbegün törüged-kümüjiküi-degen çasutu töbed-ün orun-a irejü Yarlung-un Yarulha kemekü çasutu ayulayin üjegür-e tngri-yi takiγsan=Töbed-ün ulus-nar-luy-a uciraju=angqan-u olan-a Ergügdegsen qayan-aça inayci-ki ucir-nud-iyani tatan kelegsен-dür=tedeger anu=öber jayur-a-ban jöbcileldün-ene anu angqan-aça qoyisi qayan ijayur-tai aysan-iyar bide töbed-ün degere qavan boltuyai=kemen modun-iyar sangdali kiju=tegün degere sayulyayad-kümün-ü küjügün degere sargdalitai-yi örgüjü=jon-u dumda asaraju qayan bolyun ergümji-legsen-iyerburqan-u müngdülegsен-eçe qoyin-a 835 on-a Kristos-un müngdül-

kū buyu=Ros-un ekilekü-ece 127 jil urida küjügün sangdali-tu Batu ejin kemen aldarsibai=".

В русском переводе данный фрагмент звучит так: "Вначале, когда у царя по имени "Обладающий множеством войска", из рода Сакья индийской страны, происходящего от царя монгольского корня "Многими возведенного", родился сын, последний был исполнен сверхъестественных признаков: глаза его смыкались снизу кверху; он имел раковинно-белые зубы, словно белая морская раковина; голубые брови; изображения молитвенного колеса на ладонях обеих рук; пальцы рук и ног как у гуся, соединенные между собою перепонкой. Когда он возмужал, он прибыл в страну снегов Тибет и встретился на вершине Ярлунской снежной горы Ярхла с тибетцами, приносившими жертву небожителю. Когда он рассказал им, ссылаясь на обстоятельства, имевшие место после первоначального царя "Многими возведенного", те посоветовались между собою и заявили: "Да будет он царем над нашим Тибетом, вследствие того, что он искони царского рода!" Они сделали из дерева сидение, посадили его на него, подняли вместе с сидением на шею людям и принесли в середину народа. Они возвели его царем. Вследствие этого он в 835 году после рождения Будды, или в 127 году до рождества христового, или начала Руси, прославился под именем "Крепкий властитель, на шее восседающий".

Этот эпизод, как и некоторые другие, заимствован у Саган Сэцэна. Возникает вопрос: что из себя представляет такая конструкция в синтаксическом плане. Является ли она простым осложненным распространенным или сложным предложением? Г.Д. Санжеев вслед за А.А. Бобровниковым употреблял для обозначения таких длинных, осложненных конструкций старописьменного монгольского языка термин "период"³.

Но под периодом в языкознании, в частности в русистике, понимается нечто иное. Период – это относительно законченное в смысловом отношении развернутое сложное или простое, осложненное оборотами, предложение, четко распадающееся на две противопоставленные части, первая из которых, как правило, состоит из ряда однородных единиц и произносится повышающимся тоном, а вторая, произносимая пониженным тоном, заключает первую в смысловом, грамматическом и интонационном отношениях⁴.

Благодаря изяществу формы периоды употребляются в художе-

ственной литературе, публицистике. Старомонгольские "периоды" не имеют такого специального функционального назначения, да и по структуре совершенно не похожи на подобные периоды. Имея в виду, что период отличается эмоционально-экспрессивной окраской, особым интонационным рисунком и ограниченностью сферы употребления, считаем, что термин "период" не подходит для обозначения синтаксической конструкции старомонгольского языка.

Наиболее приемлемым для наименования основной синтаксической структурной единицы языка летописи Ы. Юмсунова представляется термин "сверхфразовое единство" (СФЕ), наряду с которым употребляется еще термин "сложное синтаксическое целое" (ССЦ). Под сверхфразовым единством или сложным синтаксическим целым в лингвистике, как отмечает Ё.А. Реферовская, понимается отрезок текста или группа тесно взаимосвязанных законченных предложений, образующих особую синтаксико-стилистическую единицу. Иногда она может состоять и из одного предложения⁵. Компоненты СФЕ связываются между собой не только логически, семантически, но и формально, т.е. языковыми средствами.

В качестве лексических средств связи СФЕ используется повторение в последующем предложении отдельных слов из предшествующего предложения, личных и указательных местоимений; морфологических - соотношение видовременных форм глаголов - сказуемых в объединяемых предложениях; к синтаксическим средствам связи СФЕ относятся порядок слов и предложений, союзы и союзные слова, употребленные в присоединительном значении, параллелизм построения; к ритмомелодическим - интонация частей и целого; к стилистическим - анафора, эпифора, лексическое кольцо.

Длинные конструкции старомонгольского языка мы относим к СФЕ ввиду того, что в них объединяются распространенные фразы, которые при расщеплении и соответствующем оформлении могут составить несколько тесно связанных самостоятельных предложений. Приведенная выше конструкция из данной летописи распадается на следующие предложения (приводим в современном звучании): "Ан-ханда монгол изагуурай Слондо Ургэгдэнэн хаангаа угтай Энэдхэг ороной Сахиягай изагуурай олон сэрэгтэ гэгдэдэг хаанда нэгэ хубуун түрэхэдөө, тэмдэг бэлгэ түгэлдэр бэлэй. 2. Нюдэниинь дорооо дээшээ анидаг, мун сагаан лабай дун сагаан шүдэтэй, хүхэ хүмэсхэтэй, хоёр гарайнгаа альганда хүрдэнэй зураг-

тай, гар хүлэйн хургад галуунайхи шэнги, тоораар баригдаан, тиимэ нэгэ хүбүүн түрээн юм. 3. Тэрэ ехэ болоходоо, саһата Түгэд орондо ерэжэ, Ярлангай Яралга гэжэ саһата уулын үзүүртэ тэнгэри тахиан түгэд уладтай ушаржа, анханай олондо үргэгдээн хаанһаа нааша ушарнуудаа эшэ татан хэлэхэдэнь, тэдэнь өөһэд зуураа зүбшэлдөөд, энэ анханһаа хойшо хаан изагууртай байһан хадань бидэ түгэдүүд дээрэ хаан болог гэжэ, модоор һандали хэжэ, тэрээн дээрэ һуулгаад, хүнэй хүзүүн дээрэ һандали тайнь үргэжэ, зоной дунда асаржа, хаан болгон үргэмжэһэн юм. 4. Тиигээд Бурханай мундэльэньөө хойшо 835 жэл, Христосой мундэльэн гү, али Россиин эхильэньээ 127 жэл урид Хүзүүн һандали-та Бата эзэн гэжэ тэрэ алдаршаба". (Конструкция передана чертярмыя предложениями).

Однако безоговорочно признать старомонгольские конструкции сверхфразовыми единствами или сложными синтаксическими целыми не представляется возможным. Дело в том, что данные конструкции состоят не из самостоятельных законченных предложений, а из зависимых предикативных единиц с одним финитным сказуемым, которое придает им формальную завершенность.

Новосибирские языковеды ввели понятие полипредикативной конструкции (ППК) в бурятском языке⁶. ППК – это родовое понятие, включающее сложные предложения как один из его видов. В ППК обычно включаются две ПЕ (предикативные единицы). Они используют термин "предикат" как родовой термин по отношению к терминам "сказуемое", "второстепенное сказуемое", "главное слово оборота".

Главный структурный, конституирующий компонент ППК – это сказуемое зависимой части. Ядро всей системы сложного предложения в монгольских языках составляет подсистема синтаксических конструкций. Именные глагольные формы (традиционно – причастия) выступают в роли сказуемых в управляемых (т.е. изъяснительных, дополнительных, отчасти подлежащих) и некоторых других зависимых предикативных единицах (ЗПЕ).

Подобные полипредикативные конструкции лучше всего называть сложными синтаксическими комплексами (ССК)⁷ с монофинитным синтаксическим механизмом построения. Наиболее плодотворным представляется изучение подобных конструкций с позиции лингвистики текста. Конечно, основной коммуникативной единицей языка является предложение. Текст же представляет собой объеди-

нение нескольких простых и сложных предложений. Такие отрезки объединяют слова и предложения тематически. Большинство лингвистов подразумевают под текстом именно такие относительно небольшие отрезки. Однако считается, что текст может быть и очень большим (например, роман). Самой малой единицей текста является ССЦ (сложное синтаксическое целое). А в некоторых работах и смешанные предложения признаются низшей единицей текста. Представляется, что это правильно. Как пишет Г.Ц. Лорбе-ев, "являясь объединениями разнородных конструкций сложных предложений", эти комплексы имеют свои особенности в количественном составе, внутренней структуре и составляющих компонентах.

Со стороны количественной допускается сочетание двух, трех, четырех, пяти и более сложных предложений. Материал, взятый в качестве наблюдений, позволяет сказать, что структура сложных предложений смешанного типа чрезвычайно разнохарактерна и вариативна⁸. В данном случае мы имеем дело не столько с языковыми моделями, сколько с речевыми образованиями.

Следующая за смешанными предложениями единица текста — ССЦ. Затем идет абзац, который иногда совпадает с ССЦ. Границы здесь размыты. Текст может делиться и на другие части: так называемые отбивки (пропуск ряда строк), главки, главы и части. Кроме структурных, текст характеризуется рядом других особенностей.

Для понимания текста берется во внимание целый ряд показателей, характеризующих его содержание и структуру и называемых соответственно экстралингвистическими и интралингвистическими. В соответствии с различными видами коммуникативной задачи текст классифицируется на: 1) информирующий, 2) активизирующий, 3) разъясняющий. Эта коммуникативная задача текста (информировать, активизировать или разъяснить) теснейшим образом связана с автором-адресатом.

При изучении текста существенны такие характеристики автора, как мировоззрение, теоретический и практический опыт. Необходимо учесть также и особенности получателя информации — адресата, реципиента с его социальным положением, мировоззрением, видом трудовой и общественно-политической деятельности, образованием, потребностями и интересами. В связи с этим исследователи оперируют еще понятием пресуппозиции, под которой

понимается база для той информации, которую автор хочет донести адресату, фонд общих знаний читателей.

При исследовании текста летописи в этом плане вырисовывается такая картина. Летопись В. Юмсунова относится к историческим сочинениям, которые составляли один из важнейших жанров бурятской дореволюционной светской письменной литературы. Исторические хроники и родословные таблицы издавна были одним из любимейших занятий знатоков старомонгольской письменности. Хроники и генеалогические таблицы бережно хранились и передавались из рук в руки, из поколения в поколение.

Составители летописей и исторических сочинений, кроме устного народного творчества (преданий, легенд, мифов), своих личных наблюдений или услышанных от старых людей, широко использовали для своей работы документальный материал бурятских канцелярий и личных архивов тайшей, нойонов, а также монгольских летописей, в частности Саган Сэцэна и "Алтан Тобчи".

Особенно положительное влияние на них оказали традиции русской исторической науки. Это проявилось в том, что, восприняв форму и композицию монгольских летописей, бурятские авторы стали делать ссылки на сообщаемые ими факты, указывая дату и номер документа⁹. Они были хорошо знакомы с русской монголоведческой литературой, в частности "Сибирской историей" И. Фишера, "Полным собранием законов Российской империи" и другими работами.

Ввиду всего этого многие из летописей по своему содержанию, исполнению и композиции не стали укладываться в понятия "летопись" или "хроника". В.М. Залкинд отмечал, что некоторые бурятские летописи, например Вандана Юмсунова, перерастают рамки хроник и представляют историко-этнографические очерки, разделенные на главы по тематическому, а не хронологическому принципу¹⁰. В этих документальных очерках излагаются факты и явления общественной жизни в истолковании их автором, зачастую воспроизводятся реальные факты, события, лица, увиденные автором непосредственно в самой жизни или описанные со слов очевидцев. Последнему обстоятельству исследователи придают весьма важное значение, ибо многие документы, на которые ссылаются авторы, не сохранились в государственных архивах. Кроме того, сообщаются детали, основанные на личном наблюдении, которые отражают настроение бурятского общества того времени.

Таким образом, с точки зрения коммуникативной задачи изучаемая нами летопись относится в основном к классу информирующих текстов с элементами активизирующих текстов, в частности к текстам научно-популярного характера, знакомящих читателя со знаниями, добытыми отчасти путем исследования и анализа, отчасти путем прагматических умозаключений.

Летопись В. Юсупова имеет стройную композицию, состоит из введения, 12 глав и колофона. Каждая глава представлена пронумерованными абзацами, содержащими субподтемы. Тема "История хоринских бурят" является семантической базой текста, которая деагрегируется на следующие подтемы: 1) происхождение хоринских бурят, 2) вероисповедание, 3) управление, 4) земле-владение, 5) нравы, 6) образ жизни, 7) официальная служба. Каждая подтема состоит из семантически более конкретных элементов - субподтем. Процесс раскрытия данной темы представлен в виде иерархии подтем и субподтем, появление которых дополняет, насыщает тему текста, позволяет более достоверно раскрыть ее. В качестве основного признака иерархии выделяются самостоятельность и соподчиненность отдельных подтем текста.

Как отмечают исследователи, понятие "интеграция" интерпретируется в теории текста как свойство, обуславливающее связность текста. Иерархия и интеграция, отражающие свойства речемыслительной деятельности коммуникаторов, тесно связаны между собой^{II}. Смысловая целостность текста, тесная органическая взаимосвязь его семантических компонентов (подтем) обеспечивают восприятие темы как единого целого.

Данная тема реализуется в виде развертывания подтем текста которые представляют собой динамику субподтем. Каждая субподтема в синтаксическом плане оформлена в виде сложного синтаксического комплекса (ССК), который является доминирующей синтаксической единицей нашего текста. Так как ССК - единство, состоящее из множества компонентов - зависимых предикативных единиц, с финитным сказуемым, то такое единство мы рассматриваем как единицу сверхфразового уровня. Эти речевые построения выражают взаимосвязанные языковые явления действительности на ярусе более высоком, чем суждение.

О.А. Нецаева считает единицы сверхфразового уровня особыми функционально-смысловыми типами речи. Этими типами речи являются описание, повествование и рассуждение^{IK}.

ССК нашей летописи по своей конкретной структуре отличаются от сверхфразовых единств, изучаемых русистами. Но они по своему содержанию и языковой организации относятся именно к этому классу явлений. Поэтому, на наш взгляд, их вполне можно рассматривать как функционально-смысловые типы речи, складывающиеся не из одного или двух языковых средств, а являющиеся совокупностью, целостной системой выражения мысли. По функциональному признаку наши ССК принадлежат, в основном, к повествовательному типу.

О.А. Нечаева к повествовательному типу речи относит "сообщения о развивающихся действиях или состояниях, располагающих для реализации своей функции специфическими языковыми средствами"¹³. Например: "Teyin bayitala=tede yeke degedü ejin imperatur Nigedüger Цайсангдур цаган бар=арад амитани анган өршигэ-жү=тедегер-ийен елдеб будуй ба ициргене ning qalayun такул-нуд-аца арсилагу-yin tulada=1808 он-ду qori-yin медел-үн Jon doturača 19 böged угаган ба шидалтай нигур-нуд-и сунгуагулан=тедегер-үн ros emci-ner лиикар-нуд-ун сунгуагулин-а абу=абурал-ту үкер чөчөг таригу-yin тула сунгуагад=теден-дүр санг-аца салин өгсү=теден-ү алба побиности елдеб егелжийен-нүд-и көнгүлөжү Jon doturača moris-ud-i unaжу sayad үгеи ябагу-yin улаган-у Jakirulta-nudi qayiralan=Jon-dur yabuyulaжу=абарал-ту үкер-үн чөчөг-и цимдагулан тариулавсан-ийар уридуни болудуй будуй-а такул-ану жоусожу=арад бар тегүн-ече аюгу үгеи амургад=тедегер чөчөг тариүцид-ану=абурал-ту үкер чөчөг-үд-үн үсиниг кенен нерегедедег буи=".

Русский перевод: "Тем временем его величество государь император Александр I оказал внимание и милосердие к людям и приказал в 1808 году, в целях охранения их от оспы и различных сыпей, горячек и поветрий, выбрать из среды народа Хоринского ведомства 19 умных и способных лиц и, приняв их в русские лекарские школы, обучать их производству предохранительных прививок коровьей оспы, дать им казенное содержание, освободить их от повинностей и соблюдения всяких казенных нарядов. Он соизволил издать распоряжение насчет подвод на предмет беспрепятственного передвижения их верхом на конях (которые представлялись бы им) народом, послал их к народу и приказал производить предохранительные прививки коровьей оспы, благодаря чему прежде появлявшиеся эпидемии оспы приостановились, народ

перестал их бояться и получил покой. Что же касается тех, прививающих оспу, то они называются оспопрививательными учениками".

Этот ССК представляет собой довольно подробное информационное повествование, так как в нем сообщается о расчлененных, хронологически последовательных действиях или состояниях одного и того же или нескольких субъектов в данной конкретной обстановке в пределах одной микротемы ("Оспопрививание").

Данный ССК состоит из 4-х блоков, в первом подлежащее - *Ilaysangdur qayan bar*, во втором - *taqul anu*, в третьем - *arad bar*, в четвертом - *tariyücid anu*. Опустив некоторые несущественные второстепенные члены, этот ССК можно трансформировать в ряд самостоятельных предложений, связанных по смыслу: "Nigedüger Ilaysangdur qayan bar üker-ün cecceg-i cimdäyulan tariyulabai. (Tegün-ece) buduy-a taqul anu joy sobai. Arad anu amurabai. Tedeger cecceg tariyücid anu üsinig kemen nerelegdedeg bui".

Такая трансформация свидетельствует о том, что инфинитные формы в этих блоках функционируют в роли финитных форм. Таковыми здесь являются: *tariyulaysan-iyar* (прич. прош. вр. в орудн. пад.), *joysofu* (соединит. дееприч.), *amurayad* (раздел. дееприч.). Эти формы, функционируя в роли финитного сказуемого, не зависят от конечного сказуемого *nerelegdegeg bui*. В отличие от них инфинитные формы внутри этих блоков зависят от субъекта и сказуемого этих блоков. К субъекту *Ilaysangdur* относятся *örsiyeju* (соед. деепр.), *arsilaqu-yin tulada* (буд. прич. в род.п. с послелогом *tulada*), *abcu* (соед. деепр.), *suryayad* (разделит. дееприч.), *ögcü* (соед. деепр.), *yabuuy-laju* (соед. дееприч.), *qayiralan* (слитн. деепр.).

Все они, по традиционной терминологии, образуют простые деепричастные и причастные обороты. Сказуемые блоков выполняют функцию связи между блоками. Все 4 блока, если не иметь в виду тот факт, что их предикаты не являются конечными формами, соответствуют по структуре и содержанию простым предложениям. Если учесть, что 2-й и 3-й блоки производят впечатление однородности, то между ними и 1-м блоком можно усмотреть отношение подчиненности, а именно причинно-следственное отношение. Таким образом, 1-й, 2-й, 3-й блоки условно представляют собой сложную полипредикативную конструкцию, в которой 1-я часть является зависимой, а 2-я, 3-я части - главными.

Конечный предикат этого ССК выражен многократным причастием в форме страдательного залога *nerelegdedeg* с глагольной связкой *bui*, являющейся формой причастия настоящего времени вспомогательного глагола *bo* - быть. Данный ССК имеет общий связующий элемент - *teyin bayitala*. Кроме того, в качестве таких элементов выступают формы указательных местоимений: *tegün-eče* (3-й блок), *tedeger* (4-й блок). Этот ССК можно рассматривать как одно очень распространенное сложное предложение смешанного типа.

Кроме повествований, встречаются описания и, реже, рассуждения, а также контаминированные функционально-смысловые типы речи. Характерны ССК такого синтаксического построения: "Angqan-u say-tu-burqan-u sašin-bay-a delgeregsen=blam-a bayıi-nar üseken-eče yadna=nige jarim-ud bar=böge-nerün mörgül-i šitüdeg aysan-iyar-buyan niyul-ün ilyal ba nom-un-ču činar medekü ügei=Bey-e yasun anu tomu=Tusburi öber öberün yurim durabar ayacılan yabuqu=Qoyordumda-ban obuy obuy-iyar qamturan neyilekü=nügüge šidurki=jon-iyar aliba mal-nud bolun=ed tavar-i degermedelge-ber buliyan abqu kiged=nomu somu sayaday quyay duuly-a terüten-i čidaqu činege-ber kičiyenggüyilen=čerig-üd jebseg-ud-i tükiyeren beledkejü tede-iyen aysaju yabuyad=qoyordumba-ban tonjul alalčayan boluduy bōlüge-".

"В прежнеё время религия Будды была слабо распространена, лам и учителей было мало, и так как, кроме того, некоторые исповедывали шаманские верования, они не знали различий между добродетелью и грехами, а также свойств учения. Нравы были жестоки и грубы, жизнь долгой, тело и костяк - большие, каждый вел себя, как он хотел и как он считал правильным. Объединялись родами, костями или группами юрт. Грабили и отнимали у других, близживущих людей разный скот и имущество и, проявляя радение, по мере сил, к лукам, стрелам, колчанам, панцирям, шлемам и прочему, подготовляли войска и оружие. Последнее они носили и совершали в своей среде грабежи и убийства".

Данный фрагмент представляет собой описательный вид речи, поскольку показывает синхронную картину нравов хоринских бурят ХУП - ХУШ вв. Он представляет собой экспозицию к подтеме "О нравах". О.А. Нечаева определяет описание как "функционально-смысловой тип речи, являющийся ее типизированной разновидностью, как образец, модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в

широком понимании и имеющий для этого определенную языковую структуру"¹⁴. В то же время в этом ССК имеются элементы повествования.

Данный ССК состоит из 8 блоков, в 1-м субъект - *ya'in*, во 2-м - *blam-a bay'i-nar*, в 3-м - *nige Jarim-ud*, в 4-м - *aburi Jang anu*, в 5-м - *nasun anu*, в 6-м - *beu-e uasun anu*, в 7-м - субъект опущен, предполагается *tedener*. в 8-м - также отсутствует, предполагается *tedener*.

В блоках в качестве сказуемых выступают: 1) *delgeregen* (прич. прош. вр.), 2) *iseken-ese* (прилагательное в форме исходного падежа с послелогом *ya'dna*), 3) *medeku ügei* (отриц. форма будущего прич.), 4) *qatayu sirigün* (парное прил.), 5) *ur-tu* (прил.), 6) *tomu* (прил.), 7) *ya'acilan yabuqu* (аналит. форма будуч. прич., состоящая из слитного деепричастия *ya'acilan* и вспомогательного глагола *ya* - в форме прич. буд. времени), *qamturan neyilekü* (аналит. образование будущего прич., состоит из синонимичных слов, первый компонент - в форме слитного деепр.), *buliyan abqu* (аналит. форма буд. прич., состоит из слитного деепр. *buliyan* и вспомог. гл. *abqu*), 8) *boluduy* (многократное прич. с глаг. связкой).

Эти сказуемые блоков не зависят от конечного сказуемого последнего звена (*qoyordumda-ban tonoyul alalçayan boluduy bölüğe*). Выделенные блоки по структуре и содержанию соответствуют простым предложениям. В 3-м блоке имеется инфинитивное сказуемое *aitüdeg auzan-iyar*, подчиняющееся предикату данного блока. Оно выражено сочетанием многократного причастия (*aitüdeg*) с формой орудного падежа прошедшего причастия (*auzan-iyar*) вспомогательного глагола *a* - быть.

В 7-м блоке представлены три однородных сказуемых блока, выраженных причастием будущего времени. 1-й, 2-й и 3-й блоки грамматически и по смыслу можно объединить в одну сложную полипредикативную конструкцию, связанную посредством скрепы *ya'dna*. 8-й блок представляет собой моносубъектную простую полипредикативную конструкцию с двумя сказуемыми, выраженными соответственно слитным деепричастием *kiciyenggüyilen* и *tükiyeren belde jü* (парный глагол в форме соединительного деепричастия, 1-й компонент - слитное деепричастие).

Конечное сказуемое данного ССК выражено многократным причастием *boluduy* в сочетании с глагольной связкой *bölüğe*, явля-

ющейся формой заведомо-прошедшего времени вспомогательного глагола б^о - быть.

Схема данного ССК

Предл.	Сложно-	Прост.	Прост.	Прост.	Прост.	Прост.
прост.	подчин.	предл.	предл.	предл.	предл.	предл.
прид.	прид.			д/п об.	д/п об.	д/п об.
прич.	прич.					

Каждый из этих блоков может составить в современном литературном языке самостоятельное предложение, некоторые из них будут неполными, двусоставными. Но в старомонгольском языке они приобретали окончательный вид только с помощью финитной связки б^олүге.

данный ССК в трансформированном виде на современный литературный язык: "Анхан сагта бурханай шажан бага дэлгэрхэм; лама багшанар үсөөхэнһеэ гадна, нэгэ зариманууд, бөөнэрэй мургэлье шүтэдэг ушарһаа буян нүгэлэй илгал ба номойшье шанар мэдэхэгүй; абари зангын хатуу шэрүүн, наһаниинь ута, бэе яһаниинь томо; тус бури өөр өөрын гурим дураар ашалан ябадаг, хоорондоо обог обогоор хамтаран ниилэдэг, өөрынгөө шадархи зонойнгоо алибаа малнууд болон эд товарье дээрмэдэлгээр булян абадаг ба номо номо, наадаг, хуяг дуулга гэхэ мэтые шадаха шэнээгээр хэшээнгылэн, сэрэг зэбсэгүүдые тухээрэн бэлэдхэжэ, тэдэнээ агсажа (үлгэжэ, зуужэ) ябаад, хоорондоо тонуул аласаан болодог байгаа".

Все единство объединено конечным показателем б^олүге (совр. бэлэй), т.е. его можно присоединить ко всем выделенным звеньям. Иными словами, все части, за исключением последней, характеризуются отсутствием связки б^олүге. данный ССК имеет параллельный вид паратаксиса, что характерно для описания. 8-е и 9-е звенья соединены союзом кигед (совр. ба - и). Кроме того, компоненты с 3-го по 9-й объединены эксплицитно не выраженным, но подразумеваемым субъектом "хоринский народ", который также можно присовокупить к каждому из указанных компонентов.

Автор летописи придерживается единого плана повествовательно-описательного тона, стремясь придать более достоверный и объективный характер изложению. В повествовании не встречаются авторские отступления, которые могли бы отразить субъектив-

ное отношение пишущего к изображаемым эпизодам, конструкции с модальными показателями. лишь в редких рассуждениях можно увидеть авторскую позицию к сообщаемому. В главе "Об образе жизни" хоринских бурят В. Амсунов выражает сожаление по поводу того, что со временем стали забываться такие традиционные развлечения, как стрельба из лука по мишеням, называемые бай сур и тунху: "... edüge oyir-a çay-un teyimü suryülinar qurıyaydun ügei bolqui-dur-nomon somoң ügei boluyad-yaуса nige yaјar-a teyimü Jebbeg bayıbacu-tere metü juуа kikü ügei-meyin utayan äroi-du daruydaју gamcilge-tei metü bayıday=".

В данном фрагменте причиной озабоченности и сожаления автора послужил вид заброшенных лук и стрел, которые находятся в столь плачевном состоянии по причине того, что перестали проводиться такого рода состязания. В переводе данная конструкция звучит так: "Между тем ныне, когда в недавние времена такие упражнения стали выводиться, луки и стрелы исчезают, и хотя в одной какой-нибудь местности такое оружие и водится, но забав такого рода уже не устраивают. Они лежат, к сожалению, просто так, покрытые пылью и копотью".

В целом ССК, являющиеся основным смысловым и структурным элементом текста летописи В. Амсунова, представляют собой подпредикативные конструкции с зависимыми предикативными единицами и монофинитным синтаксическим механизмом построения. Аналогичные конструкции в современном литературном бурятском языке бытуют как несколько простых или ряд сложных предложений, связанных между собой союзами харин, зүгөөр, теэд, глагольными заменителями иһэ, тиһэ, местоимениями эһэ, эдэ, тэрэ, тэдэ, наречиями тэрэ үедэ, эһэ үедэ, тэрэ дары, а иногда только интонацией¹⁵.

Таким образом, ССК как основная синтаксическая единица текста В. Амсунова содержит субподтему (ограниченную микротемой) и представляет собой определенный функционально-смысловой тип речи (повествование, описание, рассуждение).

¹ См.: Доржиев Д.-Н.Д. Язык старомонгольской письменности Бурятии: дис. канд. филол. наук. - М., 1955; Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. - Улан-Удэ, 1972.

- 2 См.: Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. - М.; л., 1941. - С. 171.
- 3 Там же.
- 4 См.: Современный русский язык. - М., 1979. - С. 220-221.
- 5 См.: Реферовская В.А. лингвистические исследования структуры текста. - л., 1983. - С. 6.
- 6 См.: Скрибник Е.К. Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации (на материале бурятского языка): Дис. канд. филол. наук. - Новосибирск, 1980. - 194 с.
- 7 Такой термин нам подсказал Г.Ц. Пурбеев, за что выражаем ему признательность.
- 8 Пурбеев Г.Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. - М., 1979. - С. 127.
- 9 См.: Румянцев Г.Н. Бурятские летописи как исторический источник // Тр. Бурят. комплексного научно-исследовательского ин-та. - Улан-Удэ, 1960. - Вып. 3. - С. 13.
- 10 См.: Задкин Е.М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX века. - М., 1970. - С. 16.
- 11 См.: Скирдач О.М. лингвистические принципы тематической организации текста (к проблеме динамики текстовых структур): Дис. канд. филол. наук. - М., 1984. - С. 49.
- 12 См.: Нечаева О.А. функционально-смысловые типы речи: АДД. - Улан-Удэ, 1975. - С. 3.
- 13 Нечаева О.А. функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). - Улан-Удэ, 1974. - С. 99.
- 14 Нечаева О.А. Указ. соч. - С. 94.
- 15 См.: Цыдыпов Ц.-л.Ц. Буряад хэлэнэй синтаксис. - Улан-Удэ, 1985. - С. 132-133.